

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 32

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

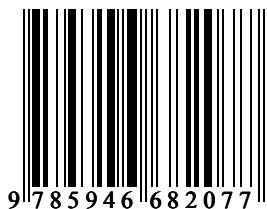
Санкт-Петербург
«Росток»
2016

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В81

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Н. Г. Охотин

Рецензенты:
Е. Н. Григорьева, В. А. Мильчина

ISBN 978-5-94668-207-7

© Авторы статей, 2016
© Пушкинская комиссия РАН, 2016

замены, выявленный в ходе исследования, свидетельствует о проявлении особого участия близких в церемонии прощания. Если во гроб был положен старый, истертый образ, это означало, что хотели положить именно его, а не какую-то другую икону. Логично думать, что с приходом нового дня и началом первой панихиды по умершему икону с одним святым (или со Спасителем) заменили на другую — с тремя святыми.

«Тихо теплилась лампада перед стеклянным кивотом, в коем блистали золотые и серебряные оклады наследственных икон» (VIII, 29). Эти строки из незавершенного исторического романа, напоминавшего о жизни предка поэта Абрама Ганнибала, могли бы послужить и для реконструкции картины домашней жизни самого Пушкина. Однако религиозная сторона этой жизни долгое время оставалась на периферии внимания исследователей, хотя была чрезвычайно важна для людей пушкинского времени и пушкинского круга.

Г. М. Седова

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О «СКРИЖАЛИ ПУШКИНА» М. О. ГЕРШЕНЗОНА

Этот сюжет из истории пушкиноведения принадлежит к числу общеизвестных, но так велико нагромождение вокруг него подробностей, анекдотов и путаницы, так сильна (на момент фиксации сведений) инерция взаимных недовольств соперничающих филологических каст, столь тонка грань между злорадством и опаской, — что кажется нелишним изложить его еще раз, по возможности рачищая от апокрифических напластований.

Во второй половине ноября 1919 года вышла в свет книга М. О. Гершензона «Мудрость Пушкина». Основу книги составили статьи, напечатанные в периодике за предыдущие двадцать лет; едва ли не единственный впервые появляющийся в печати текст был вынесен в качестве предисловия под названием «Скрижаль Пушкина»:

Самую поразительную из страниц, написанных Пушкиным, постигла и судьба поразительная. Ее никто не знает; ее нет, сколько мне известно, ни в одном собрании его сочинений; ее только раз,

в деловом порядке, неточно напечатал В. Е. Якушкин в составленном им описании рукописей Пушкина. — На отдельном листке плотной шершавой бумаги, с обеих сторон, от верха лицевой до самого конца оборотной страницы, написано его рукою следующее:

Руссо сказал: *il n'y a de beau que ce qui n'est pas*. Это не значит: только то, что не существует. Прекрасное существует, но его нет, ибо оно является нам единственно для того, чтобы исчезнуть, чтобы нам сказаться, чтобы нам оживить, обновить душу; но его ни удержать, ни разглядеть, ни постигнуть мы не можем. Оно не имеет ни имени, ни образа; оно посещает нас в лучшие минуты жития. Величественное зрелище природы, еще более величественное зрелище души человеческой, поэзия, счастье, нещастие дают нам сии высокие ощущения прекрасного — и весьма понятно, почему почти всегда соединяется с ними грусть.... Но грусть не приводящая в уныние, а животворная, сладкая; какое-то смутное стремление.... Это происходит от его скоротечности, от его невыразимости, от его непостижимости.... прекрасно только то, чего нет. В эти минуты живого чувства стремишься не к тому, чем оно произведено и что перед тобою, — но к чему-то лучшему, тайному, далекому, что с ним соединяется и что для тебя где-то существует. И это стремление есть одно из невыразимых доказательств бессмертия души: иначе от чего бы в минуту наслаждения не иметь полноты и ясности наслаждения? Нет, эта грусть убедительно говорит нам, что прекрасное здесь не дома, что оно только мимолетающий благовеститель лучшего.... оно есть восхитительная тоска по отчизне, оно действует на нашу душу не настоящим, а темным в одно мгновение соединенным воспоминанием всего прекрасного в прошедшем и тайным ожиданием чего-то в будущем.

*А когда нас покидает,
В дар любви, у нас в виду
В нашем небе зажигает
Он прощальную звезду. —*

Важность этого признания не умаляется тем, что семя его запало в душу Пушкина извне. Знающие конечно тотчас вспомнили стихотворение Жуковского «Лалла Рук». Действительно, Пушкин воспринял туманную мысль Жуковского, но углубил ее безмерно и выразил с такой несравненной четкостью, наглядностью, почти осязательностью, какие дает только глубокий личный опыт.

Приведенная страница — ключ к пониманию Пушкина. Так вот каким светом светит его поэзия! Он в опыте твердо узнал не-

бытие воплощенного мира и открытым взором созерцал проблески совершенной красоты сквозь земную явь; *он не только видел иной мир, — он и создавал, что видит его*. И не случайно эта страница открылась впервые мне, от юных лет познавшему на земле одну эту правду: правду о лучшем мире.¹

Мы не можем сейчас установить, когда Гершензон разыскал этот отрывок «на отдельном листе».² Изначально он находился среди бумаг, взятых жандармами на квартире Пушкина 7 февраля 1837 года; при хаотическом объединении отдельных листов в тетради он попал в «тетрадь 2387 А» и по жандармской нумерации фолирован как л. 52.³ Эти тетради, возвращенные наследникам, хранились у старшего сына поэта и были им, под влиянием уговоров, переданы в 1880 г. в Румянцевский музей, где через два года сделались доступны для исследователей.⁴ Впервые в качестве носителя самостоятельной единицы пушкинского текста этот листок описан В. Е. Якушкиным;⁵ тогда же А. Г. Филонов в газетной заметке⁶ указал на его ошибку — ибо текст этот представляет собой сделанную Пушкиным копию с примечания Жуковского; история эта с годами забылась.

Если бы эти бумаги хранились в Пушкинском Доме, куда они в итоге и попали, мы могли бы датировать роковую встречу с ними Гершензона с точностью до дня: его петербургские экспедиции, бла-

---

¹ Гершензон М. *Мудрость Пушкина*. М., [1919]. С. [5]. Текст «Скрижали» приводится по экземпляру, хранящемуся в моем собрании (был приобретен у московского библиофила А. Л. Финкельштейна в конце 1990-х гг.). Ради библиографической щепетильности добавим, что существует весьма редкое, не учтенное в лучшей библиографии Гершензона (*Берман Я. Э. М. О. Гершензон: Библиография*. [Одесса], 1928) издание «Мудрости Пушкина», датированное 1917-м годом и представляющее собой отгиск (с отдельным титульным листом!) первой публикации заглавной статьи. Экземпляры этого издания хранятся в РГБ (шифр У 397 / 808) и РНБ (шифр 81 — 8 / 191).

² Пользуемся его описанием в книге: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 492.

³ Современный шифр: ПД 1602 (см.: Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. 2-е изд., перераб. М., 1997. С. 463).

⁴ Подробнее см.: Цявловский М. А. *Посмертный обыск у Пушкина // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине*. М., 1962. С. 295 — 296, 333.

⁵ Якушкин В. Е. *Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // Русская старина*. 1884. № 12. С. 553–554.

⁶ Новое время. 1884. № 3174. 29 дек. Реплика Якушкина по этому поводу была напечатана на внутренней стороне обложки апрельского номера «Русской старины» за 1885 г.

годаря сохранившейся семейной переписке, известны в подробностях. Но увы: знакомство их произошло в Москве при психологических обстоятельствах, которые легко вообразить: мистик-Гершензон с его вечным пламенем неистовства (по слову Белого⁷) жил в ощущении диалога с изучаемым героем; для него случайный листок, на котором было написано то, что он ждал и хотел прочесть, — был репликой и наградой в этом разговоре.

Вероятно, о новонайденном тексте, скрывая подробности, он рассказал нескольким близким друзьям; впрочем, оба упоминания об этом факте восходят к мемуаристам, известным недостоверностью своих воспоминаний, — Ходасевичу («Однажды он мне сказал: “Я нашел настоящую скрижаль Пушкина — его философия искусства, его credo”». Будучи несколько скрытен в том, что касалось его текущей работы, он на расспросы мои ответил только, что это — всего лишь одна страница, которая давно напечатана, но на нее не умели обратить должного внимания и даже не включили ни в одно собрание сочинений Пушкина»⁸) — и Осоргину («...написанного никому не показал и не открыл, а только всем говорил: “Вот вы узнаете, когда выйдет книга! А до выхода и не просите, не расскажу!”»⁹).

Вероятно, книга вышла во второй половине ноября 1919 г.: Гершензон в письме к М. А. Цявловскому от 3 декабря 1919 г. среди прочего пишет: «Ежели бы Вы, едучи, привезли нам 2—3 фунта соленого или, в крайнем случае, русского масла или прислали бы с оказией, Вы бы меня бесконечно одолжили, а если еще чего-нибудь по Вашему усмотрению, вдвое. А я бы вручил Вам экземпляр “Мудрости Пушкина”, т. е. книги. Если можно, сделайте»,¹⁰ — и представляется, что речь идет об уже вышедшей книге.

По единодушному свидетельству мемуаристов, сразу по выходе книги Гершензон, человек общительный и обстоятельный, получив в типографии экземпляры, отправился их раздавать по московским знакомым ближнего круга. «Все друзья и скрытые враги получили авторские экземпляры с посвящением. И Сакулин получил, и Шпет получил. Автор пишет: “Дорогому такому-то”, а про себя думает: “На, выкуси”»;¹¹ «Однажды утром (кажется, это было

⁷ Бельй А. Между двух революций. М., 1990. С. 257.

⁸ Ходасевич В. Книжная палата: Из советских воспоминаний // Собр. соч. М., 1997. Т. 4. С. 236.

⁹ Осоргин М. А. Заметки старого книгоеда. М., 1989. С. 25.

¹⁰ «...Цельный и настоящий...»: Из переписки и дневников М. О. Гершензона / Публ. Е. Литвин // Вопросы литературы. 2009. № 5/6. С. 407. «Русское масло» — топленое.

¹¹ Осоргин М. А. Заметки старого книгоеда. С. 25.

в начале 1920 года) Гершензон занес мне в подарок только что вышедшую свою книгу “Мудрость Пушкина”». ¹² Тогда же несколько экземпляров отправилось по почте к иногородним коллегам (известна судьба экземпляра, преподнесенного М. Цявловскому, о чем см. ниже).

Ошибка Гершензона очень быстро открылась.

Версия 1. «В тот день я был занят, книгу не раскрывал, а вечером пошел в гости к Георгию Чулкову, которого застал в радостном возбуждении.

— Ну что, “Скрижаль Пушкина” видели?

— Нет еще, — сказал я.

— В таком случае полюбуйтесь.

Чулков протянул мне книгу. Пока я читал, он смотрел на меня испытующе, а затем спросил:

— Что, похоже на Пушкина?

Я был в замешательстве. То, что я прочитал, по существу могло выражать эстетику Пушкина, во всяком случае, не противоречило ей. Но самое изложение до чрезвычайности мало было похоже на пушкинское. Я сказал Чулкову, что, по-моему, это — не Пушкин.

— Ну, ваше счастье, — сказал Чулков. — А то сели бы в калошу вместе с вашим Гершензоном. Сейчас я видел Сакулина. Он в ужасе. Заметка-то ведь не Пушкина, а Жуковского, — Пушкин только зачем-то списал ее для себя. Гершензон нашел ее в шляпкинском описании бумаг Пушкина и вообразил, что это сам Пушкин.

“Ужас” Сакулина был напускной и радостный, так же как ужас Чулкова. Оба они терпеть не могли Гершензона и теперь злорадствовали вместе с многими другими. Сакулин, впрочем, поступил честно: если не ошибаюсь, он сам отправился к Гершензону и все ему разъяснил». ¹³

Версия 2. «В этот вечер Павел Никитич <Сакулин> рассказал мне драматическую историю о том, как он в 1919 году, получив от М. О. Гершензона только что вышедшую из печати “Мудрость Пушкина”, стал читать ее ночью, лежа в постели, — увидел на первой же странице “Скрижаль Пушкина”, ужаснулся, — взял издание сочинений Жуковского — проверил — и тут же позвонил Гершензону». ¹⁴

¹² Ходасевич В. Книжная палата. С. 236.

¹³ Там же. С. 236–237.

¹⁴ Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918–1928 гг. / Публ. и коммент. Н. А. Прозоровой // Пушкинист Н. В. Измайлов в Петербурге и Оренбурге. Калуга, 2008. С. 51.

Версия 3. «В книгоиздательстве московских писателей вышла книга Гершензона “Мудрость Пушкина”. Книга довольно любопытная. Не менее любопытен и трагический анекдот, с ней приключившийся. Вступление к ней называется “Скрижаль Пушкина”. В сей скрижали были напечатаны стихи Пушкина, найденные впервые Гершензоном, с гордостью заявившим, что ему впервые открылась в них правда о Пушкине. Но стихи... принадлежат Жуковскому <...>. Не понимаю, как мог Гершензон допустить такую грубейшую ошибку! Мне жаль его, ибо думаю, что “скрижаль”, которую изобличил профессор Сакулин, принесла ему немалую горечь».¹⁵

Из трех этих во многом согласных рассказов можно сделать несколько принципиальных выводов. Во-первых, кажется абсолютно бесспорным, что ошибку Гершензона первым заметил П. Н. Сакулин (в современных сильно деформированных легендах его функция порой приписывается Шпету¹⁶). Во-вторых — это произошло в первый вечер или первую ночь после выхода книги (это обстоятельство может быть серьезно оспорено косвенными свидетельствами, о чем см. ниже). В-третьих — сам Сакулин немедленно — лично или по телефону — объявил об этом автору. И — важное нотабене — уже в версии 3, хронологически наиболее приближенной к произошедшим событиям, видна первая, но существенная деформация: здесь говорится о приписанных Пушкину *стихах* Жуковского, тогда как именно стихи были Гершензоном опознаны и атрибутированы правильно.¹⁷

На следующий день после выяснения обстоятельств Гершензон отправился исправлять оплошность:

Версия 1. «Гершензон был почти в отчаянии от своей ошибки. Тотчас же он бросился на склад “Книгоиздательства писателей”, велел остановить рассылку книги по магазинам и заставил мальчика, служащего на складе, вырезать из всех экземпляров тот листок, который был занят “Скрижалю Пушкина”, то есть страницы пя-

---

¹⁵ Письмо Н. С. Ашукина к П. С. Сухотину от 25 февраля 1920 г. (Литвин Е. Ю. «Дышать трудно, дух мечется и томится...»: (Из переписки Н. С. Ашукина и П. С. Сухотина) // Долг и любовь: Сборник филологических работ в честь 65-летия профессора М. В. Михайловой. М., 2011. С. 280).

¹⁶ См., например: Ниточкин С. А. Пестрые рассказы о собирателях и книготорговцах // Библиофильство и личные собрания. М., 2011. С. 302.

¹⁷ Ср., кстати, позднюю обмолвку Андрея Белого: «В увлечениях жгучего темперамента он, изумительный аналитик начала прошедшего века, делал в своей специальности порою даже не ошибки, а просто чудовищности, смешивая стихи Боратынского с пушкинскими, сочиняя пушкинские несуществующие любви иль отрицая в Пушкине лучшую фазу его творчества...» (Белый А. Между двух революций. С. 257).

тую и шестую. В таком виде книга и поступила в продажу — без первой статьи, означенной, однако же, в оглавлении. Затем прибежал он ко мне с просьбою, чтобы прежде рассылки книги по библиотекам я приказал вырезать из нее тот же злосчастный листок. В сущности, я не имел на это права, но, видя отчаяние Гершензона, пообещал ему это сделать. К несчастью, придя в Палату, я узнал, что книга уже разослана. Таким образом, по музеям и библиотекам она пошла в полном виде».¹⁸

Версия 2. «Гершензон ринулся с ножницами во все книжные торговли Москвы, получившие свежееотпечатанные экземпляры его книги, и принялся вырезать — благо статья была короткой — первые две страницы книги».¹⁹

Версия 3. «Два мальчика в издательстве два дня вырезывали первый листок с “ключом”. Вырезки принимал, пересчитывал и забирал с собой автор. Сам обошел друзей и скрытых врагов, которым послал книгу: отбирал обратно, вырезывал. Успели вернуть с почты часть пакетов, адресованных книжным магазинам».²⁰

Версия 4. «И Гершензон, убедившись в своей ошибке, совершенно потрясенный, стал с утра звонить по книжным магазинам, чтобы остановить продажу, а затем вырезывал из всего тиража эти первые страницы со “Скрижалью Пушкина”».²¹

Версия 5. «“Скрижаль Пушкина” (стр. 5–6) М. О. Гершензоном была по отпечатании книги вырезана, так как оказалась отрывком из “Наля и Дамаянты” Жуковского. В продажу поступило некоторое количество экземпляров с оставшейся страницей, благодаря недобросовестности типографии».²²

Во всех этих фрагментах совпадает по сути только одно: автор инспирировал изъятие ошибочно включенного текста из готового тиража своей книги. Все остальное более или менее различается в деталях — например, наличие подручных мальчиков и их число

¹⁸ Ходасевич В. Ф. Книжная палата. С. 237.

¹⁹ Бахрах А. По памяти, по записям... Париж, 1980. С. 82. Эта же версия повторена в мемуарах Е. Герцык: «Он нетерпелив и никогда не в рабстве у документов. Потому и попадает порой впросак как литературовед-исследователь: вот вышла книга его этюдов о Пушкине и уже на другой день он рыскает по книжным лавкам и, волнуясь, вырезает из свежего тома маленькую статейку, которую критика изобличила в грубой фактической ошибке. А как много в этой книге пронзающего о мудрости Пушкина — первый он сказал, что Пушкин мудр, — в те годы догадки об этом еще не было» (Герцык Е. Лики и образы. М., 2007. С. 246).

²⁰ Осоргин М. А. Заметки старого книгоеда. С. 25.

²¹ Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. С. 51.

²² Горовиц Б. Михаил Гершензон — пушкинист. М., 2004. С. 251.

(один или два) или то, развезены были экземпляры по магазинам или нет. Собственно, вариант с походом вооруженного ножницами автора по магазинам нужно, кажется, отнести как крайне маловероятный: на каких бы основаниях ему позволили препарировать книгу, принятую от издательства на комиссию? Отдельно следует отметить, как снова (в версии 5) подвергся трансформации текст Жуковского — теперь он стал отрывком из «Наль и Дамайнти».²³

С этим согласным хором свидетельств диссонирует факт существования экземпляра с инскриптом и датой: «Абраму Марковичу Эфросу на дружескую память. 17 декабря 1919 г. М. Гершензон»,²⁴ — и в этом экземпляре «Скрижаль» на месте — то есть, по всей вероятности, он был подарен автором еще до обнаружения злосчастной ошибки. Получается, что в действительности кампания по преподнесению экземпляров книги растянулась более чем на три недели, а сжатие всей истории в мемуарах обеспечено лишь требованием остросюжетности и ошибкой памяти мемуаристов. Во всех остальных известных мне экземплярах с инскриптом «Скрижаль» изъята.²⁵

Отдельно следует упомянуть, что исступление от собственной ошибки, приписанное молвой Гершензону, кажется несколько преувеличенным: об этом свидетельствует довольно спокойный тон письма, отправленного автором Цявловскому, которому был предназначен один из первых, не исправленных еще экземпляров:

«О себе могу сказать Вам немного. Здесь очень трудно — холодно и голодно, денег на еду не хватает, стеснился для тепла крайне, мой “кабинет” — в детской, заниматься трудно. Кончается печатанье моей книги о Тургеневе, и я ее Вам, конечно, пришлю, но под условием: вырежьте первый листок “Мудрости Пушкина” —

---

²³ Ср. еще более экзотическую ошибку памяти мемуариста: «Помню, М. О. Гершензону каким-то чудом удалось издать книгу своих статей о Пушкине: “Мудрость Пушкина”, и по очень неприятному недосмотру он снабдил предисловие к книге эпиграфом из Лермонтова, ошибочно приписанным Пушкину. Пришлось вырезать из книги предисловие, — но в лавке Шершеневича можно было “за бешеные деньги” купить книгу без купюр» (Аронсон Г. Я. Московские зимы // Новый журнал (Нью-Йорк). 1945. № 10. С. 269).

²⁴ Экземпляр хранится в собрании А. Л. Финкельштейна; описан им в кн.: Финкельштейн А. Л. Немного о старых книгах. М., 2003. С. 276.

²⁵ В моем собрании находится экземпляр с недатированной дарственной надписью В. Я. Гольду; не так давно был напечатан еще один датированный инскрипт, но он начертан несколькими годами позже: «Роману Романовичу фон Вальтеру дружески М. Гершензон Берлин, 22 Мая 1923 г.» (Поляков Ф. Русский Берлин в архиве Рейнгольда фон Вальтера // Vademesum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М., 2010. С. 301).

ту, где “Скрижаль Пушкина”, и пришлите мне в письме. Там у меня тяжелая ошибка, и я изъясил эту страницу».²⁶

Письмо это отправлено 10 января 1920 г., то есть отнюдь не сразу после обнаружения ошибки, — и сам этот временной промежуток, кажется, должен свидетельствовать о том, что задача тотального уничтожения «скрижали» представлялась автору не первоочередной.

Тем более что с вырезанием этой странички из основной части тиража тоже все прошло не совсем гладко.

Версия 1. «Но за всем не доглядишь, а мальчишки — жулики. И книжка продавалась с вырезанной страницей — 37 рублей на тогдашние деньги, с невырезанной страницей — 370 рублей. Это — для любителей. До чего люди злы! И как страдал бедный Михаил Осипович! А из авторских дареных экземпляров не захотел отдать своего Густав Густавович Шпет, философ, злока, остроумный и милый человек; Гершензон он недолюбливал. Зачем же, Михаил Осипович, книгу портить? Пусть она у меня в девственном виде: это — “ключ к пониманию Пушкина”. Так и не отдал. Сам вслух читал и другим охотно показывал».²⁷

Версия 2. «Эти библиотечные экземпляры с сохраненным листком должны были бы стать библиографической редкостью, потому что вслед за тем Гершензон обратился ко всем знакомым, которым успел послать книгу, с просьбой вырезать и вернуть ему этот

---

²⁶ «...Цельный и настоящий...»: Из переписки и дневников М. О. Гершензона. С. 409—410. С обычным педантизмом Гершензон обратит подобную просьбу к будущим составителям его (до сих пор не воплощенного) собрания сочинений: «Часть VI: “Мудрость Пушкина” (вычеркнуть “Скрижаль Пушкина”, вырезанную, т. е. первые две страницы книги). Прибавить в конце основного текста, т. е. до Приложения, четыре новые статьи: “Чтение Пушкина”, “Явь и сон”, “Сны Пушкина” и “Тень Пушкина”» (*Гершензон М. Избранное. М.; Иерусалим, 2000. Т. 4. С. 526*). Столь же спокойный тон сохраняется в письмах к брату, когда речь заходит об этом предмете: «Кажется, годы прошли с тех пор, как мы последний раз подали весть друг другу. Теперь есть, кажется, верный случай: человек, едущий на юг, опустит это письмо в Харькове или еще ближе к вам. Рассказать о нас могу только в общих чертах, иначе надо исписать стопу бумаги. <...> За это время вышла моя книга “Мудрость Пушкина” и почти отпечатана другая — о Тургеневе»; «Месяца три назад вышла моя книга о Пушкине, которую посылаю тебе вместе с этим письмом; книга о Тургеневе тоже отпечатана, но еще не сброшюрована, 6-й том “Прописев” в таком же положении» (РГБ, ф. 746, карт. 21, ед. хр. 4, л. 1, 1 об., 4 об.; письма к А. О. Гершензону от 14 марта и 16 апреля 1920 г.); ср. также письмо к Л. Шестову от 31 июля 1920 г. — *Гершензон М. О. Письма к Льву Шестову (1920—1925) / Публ. А. Д’Амелна и В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. М., 1992. [Т.] 6. С. 245.*

²⁷ *Осоргин М. А. Заметки старого книгоеда. С. 25.*

листок. На деле из этого все-таки ничего не вышло: Гершензон получил листки, но некто Ш., по роду занятий философ, по характеру весельчак и бурш, умудрился купить у мальчишки из книгоиздательства изрядное количество вырезанных листков и раздавал их направо и налево всем желающим. В результате образовалось очень большое количество экземпляров «Мудрости Пушкина» с вырезанным и обратно вклеенным листком».²⁸

Здесь воспоминания свидетелей практически совпадают — и подтверждаются библиофильской практикой: действительно, экземпляры с вырезанной и вклеенной «Скрижалью» время от времени попадают до сегодняшнего дня. Роль Шпета (которого Ходасевич не называет прямо) остается не вполне проясненной — действительно ли он раздавал крамольные листочки или просто не вернул преподнесенный экземпляр? Во всяком случае, на их отношениях с Гершензоном это не отразилось, чему свидетельством — экземпляр гершензоновской книжки с инскриптом 1922 г., хранящийся в частном собрании.²⁹

Тем временем подоспели первые отзывы на «Мудрость Пушкина» (всего их выявлено два десятка³⁰). С точки зрения увлекательности содержания главнейшим из них был, вероятно, тот, текст которого не сохранился, — доклад философа А. А. Мейера, прочитанный в Вольфиле в феврале 1922 г.³¹ В большинстве оставшихся

---

²⁸ Ходасевич В. Ф. Книжная палата. С. 237.

²⁹ Описание экземпляра: <http://therese-phil.livejournal.com/34414.html>; дата обращения 23.07.2015.

³⁰ Берман Я. Э. М. О. Гершензон: Библиография. С. 42–43; Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем: 1918–1936. Л., 1973. Ч. 2. С. 12; Горовиц Б. Михаил Гершензон — пушкинист. С. 251; Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1, ч. 1 / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. М., 2005. С. 512–513. Отдельный интерес представляют эпистолярные отзывы, например: «Простите великодушно обращение к Вам незнакомого человека. Но, может быть, то, что говорили Вам обо мне Я. Э. Черняк и, кажется, Борис Николаевич Бугаев, дает мне право на это письмо. Цель его — очень скромная. Мне хотелось бы не только принести Вам глубочайшую благодарность за Вашу последнюю книгу — «Мудрость Пушкина», и, из нее, в особенности — за статью о «Памятнике»» (РГБ, ф. 746, карт. 37, ед. хр. 27, л. 1; письмо П. Н. Медведева к М. О. Гершензону от 20 июля 1920 г., год устанавливается по содержанию).

³¹ Доклад состоялся 12 февраля 1922 г. (см.: Иванова Е. В. Вольная философская ассоциация: Труды и дни // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 48); афиша сохранилась в собрании М. С. Лесмана (воспроизведение: Белоус В. Вольфила (Петроградская Вольная Философская Ассоциация). 1919–1924. М., 2005. Кн. 2: Хроника. Портреты. С. 357). Ср. отзыв присутствовавшего на докладе Р. В. Иванова-Разумника:

коллизия со «скрижалью» не упоминалась вовсе — либо по удаленности от кругов разоблачителей, либо по деликатности. Единственным, но громким исключением стал отзыв П. Е. Щеголева, многолетнего заклятого друга Гершензона (история этих отношений могла бы быть по-своему увлекательна, но увела бы нас далеко; ограничимся констатацией, что традиционная взаимная ненависть пушкинистов соединялась здесь с московско-петербургской оппозицией и усугублялась веховским эхом). В обширной рецензии, воспроизводя, в частности, полный текст злополучной «скрижали», Щеголев писал:

«Для вещателя-мистика объективное наблюдение теряет свою нудящую силу, способности критического анализа подменяют игрой воображения, не лишенной известной доли занимательности, и только. Наконец, наступает момент, когда такой мистический исследователь, опрокидывающий действительность в мистические бездны, сталкивается с здравым смыслом и получает от него жестокий удар. Благо ему, если этот удар заставит его очнуться.

Так случилось и с Гершензоном. Его статья, появляющаяся впервые в печати в новой книге — «Скрижаль Пушкина», наносит этот жестокий и беспощадный удар автору за то, что в своей работе над Пушкиным он совершенно удалился от Пушкина и занялся выяснением мистических глубин своего я в своих изучениях, якобы, Пушкина. «Скрижаль Пушкина» — тоже манифест, несущий новое откровение всем жалким исследователям и ничтожным читателям Пушкина. Как и подобает манифесту, он выразительно краток. Его нельзя цитировать, а надо привести целиком. Вот возвещенная новым Моисеем «Скрижаль Пушкина» <следует полный текст>.

Прочитав этот абзац статьи Гершензона, нельзя не подивиться искренности тона и наивной заносчивости. Недаром эта страница открылась ему, Гершензону, познавшему с юных лет одну правду: правду о лучшем мире. Просто неловко читать такую словесную дребедень. Но однако ж, куда как далеко его метнуло! В своем беге за сокрытым ключом к пониманию Пушкина Гершензон оторвался от действительного Пушкина, так зарвался, так занесся, что прямо-таки забыл Пушкина, запамätывал его творчество, его поэзию»³² — и т. д.

«На днях в Вольфиле был доклад А. А. Мейера «Мудрость Пушкина» (о Вашей книге); была «благожелательная», но довольно острая критика (впрочем, «острая» не подходит к мягкому Мейеру) на тему, что «благая весть» — не дошла до М. О. Гершензона» (РГБ, ф. 746, карт. 34, ед. хр. 2, л. 47; письмо Иванова-Разумника к Гершензону от 19 февраля 1922 г.).

³² Книга и революция. 1920. № 2. С. 58—59.

Неистовые филиппики Щеголева вызвали несколько негромких, но решительных возгласов недовольства. Так, Д. А. Лутохин, говоря, что «вряд ли удобно <...> разбирать статью, волею автора изъятую из обращения», припоминает кстати похожий эпизод: «Ведь только несколько лет назад другой авторитетный пушкиновед оказался жертвой мистификатора, поверив, что присланное ему в шутку произведение современного поэта принадлежит перу Пушкина».³³ Вероятно, здесь имеется в виду проделка С. Боброва, приславшего Н. Лернеру фальшивое окончание «Юдифи» (то есть стихотворения «Когда владыка ассирийский...»), которое было без тени сомнения опубликовано последним.³⁴ И характерно, что именно Лернер, чьи воспоминания на этот счет должны были быть еще весьма свежи, с удовольствием указывает Щеголеву на вторичность его разоблачений, присовокупляя: «Да, библиография небесполезна историкам».³⁵

К середине 1920-х гг. эхо скандала практически затихло, а «Мудрость Пушкина» с невырезанными страницами сделалась достоянием библиофилов: так, уже в каталоге «Международной книги» 1926 г. значился полный экземпляр с пометой «С редкими 2-мя страницами “Скрижаль Пушкина”, сохранившимися лишь в немногих экземплярах», — причем стоил он вполне впечатляющие

---

³³ Лутохин Д. А. Новинки «Пушкинианы» // Вестник литературы. 1920. № 10. С. 5. Ср., кстати, в письме А. Б. Дермана к А. Г. Горнфельду: «...как лично-здорово написал об этом Щеголев, — неприятно было читать» (цит. по: Горовиц Б. Михаил Гершензон — пушкинист. С. 142).

³⁴ См.: Лернер Н. О. Новооткрытые стихи Пушкина: Окончание «Юдифи» // Наш век. 1918. 4 мая. Богатейшую библиографию псевдопушкинианы решительно оставляем за скобками.

³⁵ Лернер Н. Еще о «Скрижали Пушкина» // Книга и революция. 1922. № 1. С. 81. Кстати сказать, несколько лет спустя Тынянов припомнит Лернеру историю со «Скрижалю» в не опубликованной при жизни автора статье «Мнимый Пушкин». Скептически оценивая доказательную базу его заметки «Два эпитафия к “Арапу Петра Великого”», Тынянов, в частности, говорит: «Это основание <обнаружение рукописи среди бумаг пушкинского архива>, как известно, не так давно было не совсем счастливо использовано М. О. Гершензоном, приписавшим Пушкину мудрость Жуковского только потому, что она была найдена в рукописях Пушкина» (Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 83). Впрочем, двумя годами позже Тынянов предположил этот фрагмент вычеркнуть: «Разумеется, фразу о “мудрости Жуковского” надо выбросить. Тогда было время полемическое, теперь неуместно» (Письмо к Г. О. Винокуру от 18 ноября 1924 г.; цит. по: Тоддес Е. А. К текстологии и биографии Тынянова // Седьмые тыняновские чтения: Материалы для обсуждения. Рига; М., 1995—1996. Вып. 9. С. 348).

три рубля.³⁶ В воспоминаниях букиниста П. Н. Мартынова, в частности, говорится: «После выхода в свет его <Гершензона> книги “Мудрость Пушкина”, в которой была статья “Скрижаль Пушкина”, содержащая неточные сведения о приписываемом поэту произведении, Гершензон спешно приехал в Петроград, ходил по всем книжным магазинам и скупал свою книгу, чтобы вырвать из нее первую страницу. Очевидно, он это делал и в других городах, причем очень тщательно, потому что обычно встречаются экземпляры этой книги с вырезанными страницами. За всю мою длительную практику работы со старой книгой мне попался только один раз полный экземпляр “Мудрости Пушкина”».³⁷

Порою эта история припоминалась в довольно неожиданных контекстах: так, в редакционном предисловии к 1-му тому «Литературного наследства» среди тяжелых элоквенций и жестоких выпадов по адресу Пушкинского Дома («под видом работы над историко-литературными материалами развил прямую контрреволюционную, вредительскую деятельность» etc.), среди вопиющих примеров литературоведческих ошибок назван и наш: «Таково, например, совершенно реакционное, мистическое “творчество” покойного М. Гершензона, объявившего интуицию источником познания. Гершензон решил, что для того, чтобы понять и изучить писателя, надо только уметь прочесть его. Он пришел к заключению, что никто до него не умел читать, например, Пушкина, и что ключ к Пушкину дан ему, Гершензону, в процессе мистического восприятия. Это “интуитивное”, по существу сугубо идеалистическое, реакционное понимание творений поэта выражено у Гершензона очень ярко. В 1919 г. он выпустил книгу “Мудрость Пушкина”, в которой опубликовал “скрижаль Пушкина” — якобы неизданный автограф поэта. <Следует цитата.> Между тем эта “впервые открывшаяся” Гершензону “скрижаль” принадлежит Жуковскому и уже много десятков лет печатается во всех собраниях его сочинений».³⁸ К этому моменту сам Гершензон был уже шесть лет как в могиле — и вся тяжесть начальственных назиданий пришлось на плечи его здравствовавших на тот момент коллег и учеников.

---

³⁶ Международная книга. Каталог № 7: Мемуары и биографии. М., 1926. С. 33. (Экземпляр с вырезанной «скрижалю» в эти же годы стоил не больше 50 коп.)

³⁷ Мартынов П. Н. Полвека в мире книг. Л., 1969. С. 74. Сведения о приезде Гершензона в Петроград с упомянутой целью, вероятно, представляют собой апокриф.

³⁸ От редакции // Литературное наследство. М., 1931. Т. 1. С. 5; без подписи.

Важно видеть, как механизмы коллективной памяти трансформируют происшедший в реальности случай: раздутая в предании гершензоновская ошибка была ведь, по сути, совсем не так значительна (понятно, что Пушкин, выписывая злополучный отрывок, в той или иной степени солидаризовался с высказанными в нем мыслями). Более того, точность, с которой Гершензоном была опознана центральная стихотворная цитата из Жуковского, ощутило демпфировала ощущение эпичности провала. Но с течением времени история эта, обрастая подробностями и принимая все более выпуклые черты, сделалась удобным логическим плацдармом для внутривузовской полемики и яркой деталью мемуаров — именно в этом качестве она зафиксирована в источниках.

А. Л. Соболев

«НЕСЧАСТНЫЕ НАРВСКИЕ БЕГЛЕЦЫ...»

Потомки Льва Сергеевича Пушкина в Эстонии

В конце 1919 г. в Эстонии оказалось примерно 60 тысяч российских беженцев, многие из них — жители Петрограда и Петроградской губернии. Среди них не слишком много громких имен — с армией Юденича в пределы Эстонии ушли в основном представители сельской интеллигенции (священнослужители, учителя, врачи, инженеры) и крестьяне западных уездов Петроградской губернии — от Красного Села до Гдова; дворян, носителей известных фамилий, было значительно меньше. В их числе были и Пушкины.

«Эстонские» Пушкины принадлежали к потомкам Льва Сергеевича, брата поэта. В 1872 г. в Большом Болдине родился его внук Александр Анатольевич Пушкин. В роспись рода Пушкиных, составленную Муравьевым и Модзалевским, он занесен под номером 382. «Из I класса Александровского Лицея поступил в 1893 в Николаевское кавалерийское училище; в 1894 г. вольноопределяющийся 35-го драгунского Белгородского п<олка>; в 1897 г. из Елисаветградского кавалерийского училища корнетом в 36 Ахтырский драгунский п<олк>; в 1912 ротмистр. Жена с 1909 NN». ¹ На этом сведения прерываются. Эстонские архивы помогают восполнить пробел.

¹ Цит. по: Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины: Родословная роспись // Род и предки Пушкина. М., 1995. С. 432.